

А.Ю. Иванов

Фронтовые письма российских участников Первой мировой войны в культурной коммуникации

Ключевые слова: фронтовые письма, личное письмо, эпистолярный текст, фронтовой эпистолярный комплекс, культурная коммуникация, культурное пространство.

Keywords: front letters, First World War, cultural communication, prerevolutionary letter culture.

Анализ функций фронтовых эпистолий в культурной коммуникации периода Первой мировой войны показывает, что на протяжении первой четверти XX в. письмо как эпистолия и письмо как процесс создания эпистолярного текста играли важную роль в формировании личности человека. Частью письменной культуры России того времени являлась фронтовая эпистолярная культура. Понятие эпистолярной культуры, которое очень точно характеризует письменную культуру (практику) фронтовой среды, включает в себя не только культуру создания эпистолярных текстов, но и практику осмысления их роли в жизни военнослужащего-фронтовика. Безусловно, что функции любой эпистолии, включая фронтовую, базируются на необходимости передачи информации, но не только.

В начале XX в. частная переписка наряду с событийной информацией содержит размышления и переживания ее создателя. Первая мировая война перевернула представления людей и заставила переосмыслить социальные и политические ценности. Возникла ситуация, когда человек все меньше и меньше доверяет бумаге, во многом скрывая свои подлинные мысли. В письмах начинают появляться описания природы, что косвенно отражало настроение человека. Появлялись способы описания жизни в текстах писем, которые без употребления прямо указывающих на смысл слов все же передавали информацию. Возникает система специфически выраженных индивидуальных эпистолярных кодов, известных исключительно конкретным адресату и адресанту. Частной переписке, которая в начале XX в. пронизывает все слои российского общества, адресат не всегда доверял специфические особенности богатого межличностного общения, что выражалось, в частности, в формировании определенного типа фронтового письма. Создание эпистолярных текстов в период войны было распространено, однако если ранее функции письма в основном преследовали личностно-интимные цели, то теперь социальное функционирование частных писем напрямую связано с передачей какой-либо информации, не имеющей интимно-личностного значения.

Особое значение в анализе фронтовых писем имеет феномен интертекстуальности. Фронтовые письма российских солдат – участников Первой мировой войны составлялись с использованием писемников – специальных образцов писем для любимых, друзей, родных и близких. Частное письмо как осмысленный процесс создания фронтовой эпистолии являлся маркером самовыражения военнослужащего-фронтовика, сопровождало самые различные аспекты духовной жизни человека на войне, а также способствовало их реализации.

Частные письма, включенные в новую ситуацию – культурное пространство мировой войны, не замыкаются в рамках одного класса, объединяя различные социальные группы в рамках одной эпистолярной культуры. Как считает исследовательница письменной культуры России Т. Лохина, образованный человек еще в первой трети XIX в. обретает привычку посредством письма давать себе ежедневный отчет о своей жизни – ему недостаточно просто уединенных размышлений, он стремится написать и тем самым зачастую прояснить для себя происходящее [1, с. 76].

Процесс создания письма для фронтовика становится неременным этапом усвоения человеческого опыта и одним из основных способов его передачи. Процесс письма сильно сливается с образом человека XIX – начала XX в., в определенном смысле практика написания писем была привычкой, простирающейся за пределы практической необходимости и уходящей в глубины формирования человеческой личности [2, с. 60].

Стиль фронтовой эпистолии не всегда являлся неотъемлемой характеристикой человека. Это обусловлено тем, что самостоятельность, а значит и оригинальность фронтового эпистолярного текста, зависела от того, насколько фронтовик использовал образец писемника. Иногда о личностном компоненте письма можно судить по начертанию букв. По этому признаку можно иногда говорить об общекультурных идеалах, об эпохе, к которой принадлежал автор текста. Часто приобретает свое значение в суждениях о человеке – авторе письма и орфография (не столько ее правильность, сколько стиль, употребление определенных начертаний).

Отмеченные штрихи начала XX в. – эпохи Первой мировой войны составляют феномен эпистолярной культуры. Эпистолярная культура эпохи Первой мировой войны – не только навыки письма, традиции

создания текстов писем, не только самореализация в письме и один из основных способов передачи информации, а также практика повседневного письма, общение посредством письма. Все это вместе – компоненты культуры.

Одной из характеристик процесса письма является момент восприятия адресатом чужого адресованного ему письма как «чувственного звука», графического воплощения действия со множеством значений.

Военнослужащие-фронтовики придавали переписке личного характера значение устного общения. Они воспринимали письмо как своего рода разновидность разговора, что выражалось при подаче информации в употреблении в текстах конкретных писем слов «беседовать», «рассказывать», «говорить», «болтать». Фронтовая эпистолярная культура начала XX в. продолжала находиться под сильным влиянием традиций устного общения, бытовавших в дореволюционном российском обществе. В письме фронтовик – участник Первой мировой войны как бы воспроизводил то, что он мог бы сказать предполагаемым собеседникам при личной встрече. Благодаря этой условной возможности «устно» пообщаться со своими корреспондентами фронтовая переписка приобретала для солдат особый ценностный смысл.

В своих письмах, носивших частный характер, фронтовики не всегда отождествляли письмо и разговор. Фронтовик часто описывал происходившее, а не рассказывал о нем. Ему удавалось осознать грань, разделявшую устное и письменное общение.

При регулярности повседневного общения на фронте частное письмо должно было компенсировать фронтовику нарушавшуюся на неопределенное время непрерывность живого общения с родственниками и знакомыми и способствовать достижению своеобразного эффекта присутствия, заменявшего личную встречу.

Описание специфики функционирования писем с фронтов Первой мировой войны целесообразно строить как описание системы, в которой, как утверждал М. Бахтин, хранится «память» жанра [3, с. 89]. С другой стороны, каждое отдельное письмо несет в себе отпечаток сложных экзистенциальных и культурных отношений, присущих определенной эпохе. По этой причине специфику процесса создания фронтовых эпистолий необходимо базировать на материале конкретных реализаций эпистолярных форм в российской культуре времен Первой мировой войны в контексте современного им теоретического, в частности, риторического осмысления жанра.

Как полагает известный исследователь Б. Гаспаров, «спонтанная устная речь имеет в известной степени антиструктурирующую направленность, т.е. она не просто не может выполнить всех требований правильного построения, обязательных для письменной речи, но прямо избегает выполнять эти требования

и во многих случаях категорически обязана их нарушать» [4, с. 59].

Наряду с этим для переписки, воспринимаемой как целостный, образованный из чередующихся реплик диалог, типичны и свойственные устной речи «пересечения тематических линий и в связи с этим многочисленные повторения, возвращения предыдущих разделов типа отсылок к предыдущим письмам», которые служат средством скрепления единства речи для адресанта и адресата [5, с. 60].

Характер разных типов эпистолярных форм во многом будет зависеть от того, как соотносятся эти два семантических ряда – структурированность, закрытость и воспроизводимость смысла письменной речи, с одной стороны, и неструктурированность и открытость, с другой. В эпоху Первой мировой войны в письмах ярко выражена ориентация на устный тип речи, т.е. эпистолярные тексты перестают быть только средством хранения, воспроизведения и передачи информации, превращаясь в посредника между устным и письменным типами общения и начиная играть роль, аналогичную роли художественных текстов в письменности.

В письме более или менее явно присутствуют все компоненты акта речевого общения. Адресант посылает сообщение адресату. Чтобы оно могло выполнять свои функции, необходимы «контекст, о котором идет речь, код, полностью или хотя бы частично общий для адресанта и адресата; и, наконец, контакт – физический канал и психологическая связь между адресантом и адресатом, обуславливающие возможность установить и поддерживать эпистолярную коммуникацию» [5, с. 178].

В эпистолярном тексте, так же, как и в любом речевом акте, могут преобладать те или иные функции письма, соответствующие перечисленным выше компонентам модели коммуникативного акта. В соответствии с терминологией Якобсона, адресанту соответствует эмотивная, или экспрессивная, функция, контексту – коммуникативная, т.е. референтивная, денотативная или когнитивная, сообщению – поэтическая, контакту – фактическая, коду – метаязыковая, а адресату – апеллятивная, или конативная. Природа эпистолярных инвариантов соответственно может зависеть от того, какой тип коммуникации и какие функции преобладают в конкретном фронтовом письме [6, с. 166].

Анализ фронтовых писем участников Первой мировой войны позволяет заключить, что наиболее четко выражена эмотивная (экспрессивная) функция письма, которая является самоописанием, самоосмыслением и самовыражением личности фронтовика. Возникает потенциальная возможность письма стать стилевым «отпечатком» личности; во-вторых, это стимулирует использование традиционных словесных конструкций (контаминаций) в солдатских посланиях для выраже-

ния исповедальных настроений и психологического самоанализа. Письмо предполагает ожидание адресанта на ответную реакцию и его возможный ответ. Чем определеннее адресованность письма, его обращенность к конкретному собеседнику, тем разнообразнее и богаче формы встраивания голоса адресата в ткань речи автора письма (цитаты, перифразы, каламбуры, стиховые вставки и т. п.) С диалогизмом связана и функция письма, осуществляемая применением набора ритуальных формул и трафаретов. Если выйти за пределы описания коммуникативных функций письма и обратиться к сфере реальных воплощений эпистолярной коммуникации, надо признать, что письмо является не только статуарным событием, когда могут меняться все описанные выше функции.

В итоге можно утверждать, что фронтное письмо – послание, которое воплощает стремление преодолеть отсутствие *другого*, респективно транспонируя устно-речевой диалог в письменную форму, стремление раздвинуть пространственно-временные границы общения, сделать автора письма чувственно ощущаемым для адресанта, сделать почти физически реальным его присутствие.

Письменный характер эпистолярного сообщения, включающего точки зрения отправителя и получателя, предполагает закрепление их несовпадающих временных пластов, моментов описываемого, создания и восприятия текста. Если рассматривать статус сообщения с точки зрения адресанта, момент описываемого для него находится в прошлом, продолженном в настоящем написании письма, момент же восприятия – в будущем. Для адресата события и описывающий их текст целиком относятся к прошлому, прочтение же – к настоящему. Таким образом, в письме происходит совмещение настоящего двух эпистолярных субъектов [4, с. 88].

Итак, вводная часть писем строится как отсылка к прошлому, связывающему адресанта и адресата. Заключительная часть писем тоже служит местом пересечения временных точек зрения двух сторон диалога.

Таким образом, фронтные эпистолярные тексты российских участников Первой мировой войны имеют несколько аспектов содержательной стороны. Текст фронтного письма содержит:

1. Демонстративное авторское самоосмысление и превращение имплицитного (предписываемого традицией написания эпистолий либо четко сформулированное в письмовнике) автокомментария в эксплицитную, направленную на сам текст метатекстуальность письма.
2. Интерпретацию культурного контекста.
3. Определение адресантом своей позиции внутри описываемого синхронного и диахронного контекста.

4. Нарастание интертекстуальности письма, когда заведомо присущая эпистолярному тексту цитатность по отношению к предстоящему письму и оглядки эпистолярного слова на ожидаемый ответ становятся конститутивным (системообразующим) признаком письма. В этом случае фронтные письма характеризуются появлением набора кочующих из послания в послание мотивов, образов, словосочетаний, лирического «я», интонаций, размеров и рифмовок, эмотивности.

5. Попытку создать пространство коммуникации, «разговора» равноправных личностей и мнений.

Анализ фронтного эпистолярного комплекса Первой мировой войны дает возможность интерпретировать текст письма в качестве своеобразного гипертекста культуры рассматриваемого периода. Это обуславливается тем, что эти тексты, с одной стороны, складываются в достаточно единую подсистему (парадигму) культуры, а с другой – тем, что эта подсистема вступает в сложные и разнообразные взаимоотношения с другими подсистемами российской и советской культуры первой половины XX в. Данная постановка вопроса обозначает проблему транстекстуальности эпистолярных посланий.

Особая роль в разработке вопроса теории текстового анализа эпистолий принадлежит И. Паперно. Исследовательница обращала внимание на то, что жанр письма является исконно интертекстуальной и одновременно метатекстуальной формой построения высказывания [7, с. 75]. Письмо цитирует предыдущую реплику (письмо, на которое оно отвечает). В каждом отдельном письме звучат диалогически соотношенные голоса обоих собеседников. Из-за этой неоднородности у письма не может быть названия. Название описывает текст, предлагает некий метаэквивалент к нему, и в этом смысле тождественно тексту, способно заменять его. В письме аналогичную роль играет подпись. То, что было подписью в одном письме, в следующем, ответном, станет обращением. Обращение, повторяя подпись (текстологическое совпадение необязательно), цитирует предыдущее письмо (ибо подпись эквивалентна ему) [7, с. 76].

Огромные массивы писем последующих десятилетий, многообразие эпистолярных вариантов и проявлений сохраняются. Это объясняется тем, что письмо принадлежит к категории легко воспроизводимых. Однако письма либо уходят в интимные сферы субкультуры, либо подвергаются очередной трансформации и, входя в область художественного творчества и «публичности», превращаются во вторичный жанр, в объект изображения. Не случайно в этой ситуации возникает и новый тип осмысления частного письма.

Библиографический список

1. Лохина, Т. Культура письма в России / Т. Лохина // Частная рукопись в конце XVIII – начале XIX века. – СПб., 2003.
2. Наумов, Е.Ю. Переписка Чичериных как источник по истории общественного сознания и культуры России второй половины XIX – начала XX вв. : дис. ... канд. ист. наук / Е.Ю. Наумов. – М., 1985.
3. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – 2-е изд. – М., 1986.
4. Гаспаров, Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б.М. Гаспаров. – М., 1996.
5. Атанасова-Соколова, Д. Письмо как факт русской культуры XVIII–XIX вв. / Д. Атанасова-Соколова. – Budapest, 2006.
6. Якобсон, Р. Избранные работы / Р. Якобсон. – М., 1985.
7. Паперно, И.А. Переписка как вид текста / И.А. Паперно // Материалы Всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам. I (5) Тарту, 1974.